

К недостаткам книги следует отнести стремление автора к буквальной передаче содержания древнеперсидских надписей (см., например, с. 46, стк. 87: воины «верблюдами и лошадьми несомые»). Спорным является раздел под названием «К проблеме прародин и этнической атрибуции армян», где содержится утверждение о том, что Армения была создана на «исторической территории Азербайджана». Однако нет ведь сомнения и в том, что азербайджанцы также прибыли на эту территорию из других мест, а не жили там изначально.

Тем не менее такие замечания не умаляют значительных достоинств этой хорошо изданной и обстоятельной книги, которая будет полезна всем, кто интересуется историей Ирана ахеменидского периода.

М.А. Дандамаев

© 2014 г.

СНОВА ДИФфуЗИЯ ПОД ОКУЛЯРОМ

(Д.В. ПАНЧЕНКО. Диффузия идей в древнем мире. Санкт-Петербург, Филологический факультет и факультет свободных наук и искусств СПбГУ, СПб., 2013. 320 с., 43 рис.)

Диффузия – понятие, заимствованное науками, изучающими культуру, из естествознания, – обозначало в нем постепенное растекание жидкостей и газов. В середине XIX в. много писал о диффузии культуры Адольф Бастиан, этнолог, выросший в школе «психологии народов» и склонявшийся скорее к эволюционизму, чем к прослеживанию культурных влияний. Появившиеся в последние три десятилетия XIX в. эволюционисты признавали диффузию культуры, но наравне с эволюцией, придавая последней решающее значение. Признавали культурные влияния и их современники, антропологографы Ратцель и Фробениус, но придавали большее значение миграциям. В археологии Монтелиус и Софус Мюллер, лидеры изучения первобытных культур Европы начиная с 80-х годов XIX в., были уже по принятому в нашей литературе определению диффузионистами. В начале XX века кёльнская школа Гребнера выдвинула влияния и заимствования на первое место в этнографии. Чуть позже возникла гипердиффузионистская школа Элиота Смита – по ней едва ли не все культурные достижения мира разошлись из Египта.

Еще эволюционисты, а потом и функционалисты начали упорную борьбу против диффузионизма. В 1925 г. вышли антидиффузионистская книга эволюциониста Р. Маретта «Диффузия культур»¹ и сборник под редакцией Э. Смита «Культура: спор о диффузии»², в 1933 г. – монография Э. Смита «Диффузия культур»³, последняя книга в защиту диффузии как явления, важного и определяющего в истории. Затем совместными усилиями в трудах эволюционистов, функционалистов, марксистов и исследователей других течений диффузия была низведена до уровня объекта лжеучений и чего-то недостойного внимания ученых.

И вот ровно 80 лет спустя после книги Элиота Смита и 88 лет после книги Маретта вышла книга Дмитрия Панченко «Диффузия идей в Древнем мире»⁴, возвращающая диффузии культуры статус важного явления истории. Д.В. Панченко – историк и филолог-классик, выпустивший за год до того большую работу «Викинги бронзового века и их наследие»⁵, в которой он прослеживал влияния скандинавской культуры бронзового века на Средиземноморье и отдаленные территории вплоть до островов Океании. Рецензируемая книга не включает в себя эти материалы, а представляет собой совершенно новое произведение.

Книга состоит из краткого теоретического введения и двух частей. В первой разбирается пространство традиционных представлений, мифов и символов, во второй – научных теорий и

¹ Marett 1927.

² Smith et al. 1927.

³ Smith 1933.

⁴ Панченко 2013.

⁵ Панченко 2012.

философских идей. Вопреки популярному во все времена представлению *ex oriente lux* многие мифы, символы и идеи Панченко выводит из Европы, особенно Северо-Западной, а начиная с VI в. до н.э. — из греческого мира, хотя этот последний и обязан многим достижениям Ассирии и Вавилонии.

В теоретическом введении автор разбирает внедрившееся с конца XIX в. понятие обособленных индивидуальных культур, отмечая реальность их существования, но условность их обособления. Он затрагивает старый спор между сторонниками диффузии и параллельного развития, с особым упором на готовность первобытных народов к усвоению пришлых идей. «Язычники не присягают на верность какому-либо одному божеству. Потому они готовы почитать и новых, доселе им неведомых богов, если это кажется разумным и уместным» (с. 13). Это важное обстоятельство заслуживает более детального обоснования — ведь есть примеры как адаптации, так и ксенофобского отвержения; хорошо бы проследить весомость этой максимы статистически (возможно, по материалам Мёрдока).

Далее Панченко рассматривает факторы, приводившие к распространению культурных явлений. Прежде всего, это переселения, миграции. Миграции из Европы он привязывает к концу бронзового века, к нашествию «народов моря» на Средиземноморье. Дело в том, что он использует гипотезы происхождения индоевропейцев из степей или Закавказья. Если же принимать гипотезу европейского происхождения индоевропейцев, представляющуюся ныне гораздо более вероятной⁶, то миграции из Европы на юг и восток начинаются с конца неолита, на две тысячи лет раньше. С наступлением «народов моря» он связывает падение микенской и хеттской цивилизаций (с. 18). Хеттская империя, похоже, рухнула под натиском касков, родственных нашим касогам (черкесам, адыге), а причины гибели микенской цивилизации под вопросом (возможно, внутренние, не нашествие). Далее автор рассматривает роль империй (с их депортациями) и мировых религий в смешивании культур, перемешивании народов. Наконец, уделяет внимание странствующим ученым, торговцам, дипломатам и миссионерам. Можно было бы упомянуть здесь и викингов-грабителей и искателей приключений, роль которых подчеркивают К. Кристиансен и Т.Б. Ларссон⁷.

Как мне представляется, во введении явно не хватает четкого различия видов диффузии. Автор здесь не исключение. В литературе о диффузии в точном соответствии со смыслом слова под диффузией подразумевается любое распространение культуры — как через миграцию, так и через влияния. Но одновременно термин «диффузия» используется и для того, чтобы отличать распространение через влияния от распространения через миграции, и диффузионизмом называется скорее уклон в сторону второго. Получается диффузия в широком смысле и в узком смысле, что порождает путаницу и размывание видов культурного контакта. Отсутствуют эти критерии и в данной книге. Я специально останавливался на этом вопросе в своей «Истории археологического мышления»⁸.

Первая часть книги, трактующая путешествия традиционных представлений, наиболее обширна (с. 31–191). Многие сопоставления в этой главе очень остроумны и правдоподобны (излюбленное слово Панченко для характеристики его заключений), некоторые сомнительны.

Представление о небесной тверди он считает столь изобретательным, что распространение его у кельтов, греков, иранцев, евреев, египтян, шумеров и китайцев относит за счет распространения из одного источника, каковым считает индоевропейцев, возможно, заимствовавших эту идею у шумеров. Между тем нет ничего естественнее, чем предположение, что небо твердое, если на нем держатся светила. К тому же кельты, греки и иранцы восходят к одному протоиндоевропейскому пранароду, а евреи контактировали с более высокой египетской цивилизацией и действительно в числе других заимствований могли вынести из Египта и это. У греков и египтян небо медное или бронзовое, у шумеров и китайцев — каменное. Панченко предполагает, что у всех первоначально было каменное, и остроумно сопоставляет греческого бога Акмон 'наковальня', отца Урана, бога неба, индоевропейское «акмон» 'камень' и арийское (древнеперсидское и, возможно, древнеиндийское) 'небо', следуя Г. Рейхельту и М.С. Бэкуиту.

Распространение идеи он приписывает индоевропейцам, базируясь на связи праиндоевропейцев с курганом и мегалитами, которые он толкует как имитацию мироздания, с каменным сводом и изображениями светил на нем или отверстиями, ориентированными на солнце для воскрешения мертвых. Интерпретация основана на одиночных поздних памятниках — (микенских) толосах, нет оснований распространять ее на все курганы. Праиндоевропейцев автор представляет как строителей курганов, вторгшихся в Северо-Западную Европу с востока и столкнувшихся там с мегалитической традицией. Они вооружены боевыми топорами, а иногда молотами, как их бог, который, ударяя ими по наковальне, извлекает гром и молнии (с. 41). Это очень неархеологическое представление. Топоры в неолите и бронзовом веке были только рабочие, плоские, клиновидные, из кремня или металла, а вооруже-

⁶ См. Клейн 2013. 2, 447–463.

⁷ Kristiansen and Larsson 2005.

⁸ Клейн 2011. 1, 370–375.

ны похороненные в курганах (и без них) были каменными боевыми топорами-молотами, которыми никогда по наковальне не ударяли. Это только оружие и регалия с двумя бойками: с одной стороны лезвие, как у топора, с другой – обух в виде рабочей части молота. Первые каменные боевые топоры-молоты были уже у неолитических носителей культуры воронковидных кубков на севере Европы, частично обладавших мегалитической традицией, а курган, скорее всего, происходит из мегалитов, как их имитация в другом материале – земле. В степях первые курганы (с элементами мегалитизма) позже североευропейских.

Более реалистичным выглядит второе предположение Панченко – о круговратном Океане. Он находит представление о реке Океан, вращающейся вокруг всей суши земли со всеми морями у греков (у Гомера на щите Ахилла, у Псевдо-Гесиода – на щите Геракла), на вавилонской глиняной табличке с картой мира, более смутные представления у евреев в Ветхом Завете, у китайцев, сравнительно четкое – у скандинавов в «Эдде». Он выводит это представление из стремления объяснить исчезновение Солнца на закате и его появление назавтра снова на востоке. Поскольку его погружение в водоем и возникновение оттуда предполагаются на побережьях, логично объяснить его перевозку на ладье за ночь вокруг земли по гигантской реке, окружающей всю землю. А поскольку возможны и другие версии перевозки (под землей, по воздуху, но темной стороной к людям и т.д.), Панченко постулирует один источник этой идеи – скандинавский: только там (из наличных ареалов) возможно предпологать погружение в воду и восход из воды же, а кроме того там зафиксированы самые древние проявления этой идеи – петроглифы бронзового века, которые он очень убедительно интерпретирует: солнечные ладьи, солнечный круг, сосуд, в котором солнце перевозят (Скаллерупский бронзовый сосуд относится сюда же), лебеди в упряжке и т.п.

Третьим мотивом, предлагаемым у Панченко, являются близнецы, спасающие деву – Солнце. Это греческие Диоскуры, братья Елены Прекрасной, сыновья Зевса, в Индии – это Ашвины, сыновья бога Дьяуса, вызволяющие его дочь Сурью – Солнце, в балтском фольклоре – это близнецы, сыновья бога дневного неба, спасающие свою сестру. Большинство видит в этом соответствии указание на общее происхождение из праиндоевропейского мифа. Но для Панченко это не так: «мало кто помещает индоевропейскую прародину на берегах моря» (с. 68). Как же «мало кто»? Степная гипотеза помещает ее близ Черного моря, Закавказская и малоазийская – между Черным и Средиземным, а та, которую я считаю наиболее вероятной, европейская, – на берегах Северного и Балтийского морей.

Отстаивая позднее происхождение данного мотива, Панченко опирается на датирование большинства изображений, связанных с этим комплексом в Северной и Центральной Европе (связь близнецов с конями, кони и лебеди в упряжке, трехколесные повозки) не ранее XIII в. Он как-то притягивает распространение этого комплекса к движению «народов моря» из Центральной Европы, а в его предшествующей работе⁹ была показана связь этого движения со скандинавскими истоками (корабли скандинавского типа). Он также полагает, что арии в Индии появились в XIII в. до н.э. Между тем арии прибыли туда из понтокаспийских степей, где их исходными культурами были синташтинская (XX–XVIII вв.) и катакомбная (III тыс. до н.э.). Поэтому гораздо больше оснований считать весь этот комплекс грекоарийским (был такой пранарод – общие предки греков, ариев и армян) или общиндоевропейским. К числу аргументов скандинавского происхождения всего комплекса Панченко причисляет слово «аризель», буквально «арийский», означающее на языке саамов 'южный', 'юго-западный'. Это он толкует как доказательство того, что арии (иранцы и индоарии) жили во II или III тыс. до н.э. в Южной Скандинавии. С точки зрения археологи и лингвистики это абсолютно невозможно. Слово это, несомненно, заимствовано саамами у финноугров, живших по всей лесной полосе (начиная от Зауралья), а арии жили в степях по соседству.

Еще один мотив, разбираемый Панченко, – Ноев ковчег. Подобие библейскому всемирному потопу и спасению Ноя в ковчеге он находит у греков (миф о Девкалионе), шумеров (миф об Утнапишти) и в Младшей Эдде у скандинавов. Сближение этих мотивов подкрепляется родством терминов. В Библии люди, погибшие в потопе, являются великанами *нефилим* (-им у древних евреев было окончанием множественного числа) и *анаким*, сыновьями бога. Нефилим, плохо поддающееся еврейской этимологии, следом за рядом ученых он сопоставляет с *нибелунгами* и рядом индоевропейских слов, обозначающих *небо* и родственные понятия. Индоевропейское существительное *nebhelo- 'облако' в еврейском дало бы не nephel-, а nebhel-. Чтобы стать именем собственным, оно бы потребовало суффикса -ingaz. *Анаким* он сближает с греческим *анакт*, микенским *ванака*, 'господин', 'государь', а также со скандинавскими *ванами* – поколением богов перед асами. Но в еврейском ожидалось бы какое-то отражение начального w- (пусть и не прямое, поскольку начальный w- там невозможен). Северные корни мотива у Панченко неплохо фиксируются сопоставлением ковчег с «выдолбиной» у скандинавов, а той – с лодкой-долбленкой, погребениями в долбленых колодах и под ладьевидными

⁹ Панченко 2012.

каменными выкладками, а также тем, что основные элементы этого комплекса (великаны, сыны бога и пр.) чужды и редкостны на Ближнем Востоке, но очень распространены в Древней Европе. Само имя Ноя автор сопоставляет с греческим словом «наос» ‘корабль’, но ведь оно – из *nawos* с долгим *a*¹⁰. Так что при детализации блестящая идея слегка вянет.

Мотив одностороннего светила Панченко видит у скандинавов (Трундхольмская повозка) и в Индии (гимны Ригведы и Айтарея-брахмана), смутное представление об этом есть и в Греции у Гесиода. Смысл в том, что солнце, проходя свой путь по небу, обращено к людям своей светлой стороной, а ночью движется назад, повернувшись к людям темной стороной. По Панченко, эта идея сформировалась в степях у праиндоевропейцев, далее хранилась в бронзовом веке у скандинавов, а от них распространилась в Грецию и Индию. Эта мысль базируется в конечном счете на гипотезе о степном происхождении индоевропейцев. А если гипотеза неверна (в пользу чего есть немало доводов)? Если идея была в степях у грекоариев и в Скандинавии у германцев, этого достаточно для охвата всех, у кого этот комплекс обнаружен. Как именно связались эти два очага – заимствованием или общим родством, остается пока гадать.

Панченко старается разгадать символику семерки, вступая на очень зыбкую почву. Семь планет и семь дней недели – поздние явления и сами требуют разгадки. Панченко считает, что у греков и шумеров число «семь» густо концентрируется вокруг культа Солнца, а богом солнечного света был Аполлон. Этот автор также полагает, что полугодовым циклом солнца было не шесть месяцев, а семь. Но Аполлон – не чисто греческий бог, и по крайней мере не только солнечный (есть же Гелиос), он еще и блюститель целомудрия, бог инициаций, бог искусств, хранитель ворот и многого другого. А семь как половина двенадцати требует слишком хитроумных доказательств (инклюзивный счет и т.п.).

Далее автор приступает к изложению самого пространного из своих сюжетов (с. 110–150) – представления о лабиринте. Это, пожалуй, самая ценная часть его работы. Лабиринты распространены от Кносса до Мурманска, от Малой Азии до Америки. Правда, в Юго-Восточной Азии (за пределами Индонезии) и Океании их нет. Наиболее древние лабиринты – западно- и североевропейские позднебронзового века. В комплекс лабиринта входят Дедал, Минотавр, нить Ариадны, акробатические прыжки, танец, Троя. Каждый из этих элементов связан с лабиринтом отдельно, но некоторые совокупно с другими этими элементами. Над этой связью многие ломали голову. В лабиринте часто семь обводов, и для Панченко этого достаточно, чтобы установить связь с солнцем, хотя оно на первый взгляд совершенно непричастно к этому комплексу. Большинству исследователей бросалась в глаза запутанность ходов и необходимость выбраться из лабиринта, в чем и искали первоначальный смысл всего комплекса (магия запутывания злых сил и т.п.). Панченко уловил связь с попеременными движениями ходов лабиринта направо и налево и ежедневными колебательными движениями светила к восходу и закату. Он связал с этим танцевальные движения хороводов по ходам выложенного камнями на траве лабиринта как танцевальной площадки и кувырки акробатов в лабиринте (они есть и на северных петроглифах) как символизирующие поворот солнца. Похищение девы, часто связанное с лабиринтом, Панченко толкует как символику солнечного затмения – похищение солнечной девы двурогим месяцем (а его связывают с рогатым быком). Соответственно, танцы хоровода он интерпретирует как магические ритуалы, предназначенные помочь солнцу при затмениях.

Кувырок акробата вынесен в отдельный очерк, где китайскому описанию чудесного акробата (без рук, с ногами, растущими из головы) соответствуют изображения на шведском петроглифе с кораблем и в египетских святилищах, с кораблем тоже, но не головоногого, а обычного акробата.

На севере (в Швеции и Англии) лабиринты называются «девичьими танцами» и «троянскими крепостями», а в Италии обнаружена этруская ойнохоя VII в. до н.э. с лабиринтом, в котором написано «Труя». Это дает основание Панченко считать Трою исконным названием лабиринта, а имя города в эпосе случайным совпадением, лишь способствовавшим присоединению мотива лабиринта. На мой взгляд, здесь соотношение иное. Основное эпическое имя – не Троя, а Илион. С ним связаны главные события эпопеи, Исконно же Троя – название другого города, более древнего, ко времени написания «Илиады» уже исчезнувшего и легендарного, а в поэмах Гомера легенды смешались и имена совместились¹¹. Скорее всего, Троя – это Полиохни (название современное) на Лемносе, населенном «струсами» (называемыми у египтян «трс»), с коими некоторые ученые связывают предков этрусков. С этой Троей, расположенной на острове у западного берега Малой Азии, а не с эпическим Илионом, и связано название творения Дедала, как именем его сына Икара названо море (Икарийское) южнее острова Самос в том же регионе.

¹⁰ Языковыми замечаниями в этом абзаце я обязан любезной консультации С.Р. Тохтасева.

¹¹ Клейн 1998, 21–27.

Единорог также известен от Китая до Европы своими мифическими способностями и резко отличается от реального носорога. Согласно Панченко, единорог символизирует месяц (луну), когда он представляется как один рог, а дева с которой единорог совокупляется (в мифах это подразумевается), символизирует солнце. Сюжет этот разработан у Панченко кратко, в частности, не очень понятно почему отвергнута двурогость месяца, но западное происхождение китайских представлений неплохо видно по китайскому названию единорога – «цилинь», заимствованному из тохарского языка, где оно означает ‘небесный’.

Завершает Панченко первую часть книги легендой о мышах, погрызших тетивы луков и ремни сёдел и обессиливших войско – одинаково у греков, египтян и китайцев. Автор довольно натянуто связывает эту легенду с текрами, одним из «народов моря», а теккров еще более натянуто ассоциирует с тохарами, которые якобы в конце бронзового века «рванули» в Китай. По данным лингвистики тохары отделились от праиндоевропейского ствола одними из первых, сразу за хеттами. Археологи связывают их миграцию на восток с культурами раннего бронзового века – афанасьевской, или фатьяновской, или, что более всего вероятно, чемурчешской¹². Этому странствующему сюжету надо подыскивать какое-то другое объяснение.

Вторая часть – о научных и философских теориях – несколько меньше первой (с. 195–314) и относится скорее к истории науки, чем к культурной антропологии, этнографии или фольклористике. Отличаются и главные выводы. Если в первой части в основном отстаивалось значение Европы, главным образом Северо-Западной, как центра распространения идей, то во второй части таким центром является греческий мир, хотя признается, конечно, влияние Ближнего Востока на формирование последнего.

Начинает Панченко с физиогномики – науки, претендующей на выводы о характере и судьбе человека по его физиономии. Панченко заявляет, что «независимое ее возникновение в Греции и Китае представляется невероятным» (с. 215). Это заявление ничем не подтверждено. Полагаю, что выступивший с теорией физиогномики Ломброзо не опирался ни на китайских, ни на греческих физиогномистов (хотя и мог подвергать их к своим заключениям), а исключительно на свою криминологическую практику. Вообще Панченко стоило бы вспомнить о целом ряде открытий, казалось бы уникальных, но приходивших в голову почти одновременно нескольким ученым и потому вызывавших споры о первенстве – дифференциальное исчисление, радио, в антропологии – функционализм и т.д.

И у китайцев, и у греков и римлян Панченко находит при описании движений планет по звездному небу метафору – муравьи на колесе, жернове или гончарном круге. Они бегают в любых направлениях при общем вращении основы. Некоторые ученые отмечали это совпадение, чтобы «категорически исключить какое-либо взаимовлияние». Напротив, Панченко считает, что «диффузия образа – единственно естественная интерпретация» (с. 218). И то и другое – без надежного обоснования. Но если признать диффузию, то греческий источник действительно вероятнее (раньше и обильнее).

Аналогичным образом Панченко рассматривает и уподобление небесной сферы куриному яйцу и сооружение моделей небесной сферы. Этот прибор пришел в Китай из греческого мира благодаря экспедиции Чжан Цяня во II в. до н.э. в Центральную Азию, уже подвергнувшуюся греческому влиянию. В большом разделе автор разбирает, как выводы грека Анаксимена, ученика Анаксимандра, о возможностях исчислений размеров земли по тени от гномона отражались в китайской школе Гай тьянь. Далее Панченко рассматривает отражение греческого «великого года» (в 19 и 76 лет) в Китае (через 19 лет повторяется соотношение положений Луны и Солнца, а 76 – это 19×4) с разрушением мира и построением его заново. От «великого года» Панченко переходит к идее смены «веков» у Гесюда, которой соответствуют всемирные катаклизмы в вавилонской традиции и «гибель богов» в «Прорицании вельвы» у скандинавов. Наконец, знаменитую китайскую идею антиномии инь-ян он выводит из греческой идеи противопоставления Ночь – Свет/Огонь у Парменида (ок. 500 г. до н.э.): у китайцев она позже, поначалу не была универсальной, а обозначала только теневую и солнечную стороны, и сперва женское ассоциировалось с ян, как и женское с горячим у Парменида!

В целом, если исключить отдельные не очень убедительные места, выводы Панченко относительно диффузии научных идей выглядят более основательными, чем его выводы относительно диффузии мифологических представлений. Оно и понятно: легче проследить проявления. Но и разработки этого автора по диффузии мифологических представлений являются смелыми, новаторскими, несомненно плодотворными. Они требовали исключительной и завидной эрудиции, и многие из них войдут в основной фонд изучения мифологических представлений.

¹² Клейн 1913. 2, 364–385, 453–460.

Литература

1. *Клейн Л.С.* 1998: *Анатомия Илиады.* СПб.
2. *Клейн Л.С.* 2011: *История археологической мысли.* Т. 1–2. СПб.
3. *Клейн Л.С.* 2013: *Этногенез и археология.* Т. 1–2. СПб.
4. *Панченко Д.В.* 2012: *Викинги бронзового века и их наследие (К постановке вопроса) // Stratum plus.* 2, 79–144.
5. *Kristiansen K., Larsson T.B.* 2005: *The Rise of Bronze Age Society.* Cambr.
6. *Marett R.R.* 1927: *The Diffusion of Culture.* Cambr.
7. *Smith G.E. et al.* 1927: *Smith G.E., Malinowski B., Spinden H.J., Goldenweiser A.* *Culture, the Diffusion Controversy.* N.Y.
8. *Smith G.E.* 1933: *The Diffusion of Culture.* L.

Л.С. Клейн,
доктор исторических наук, профессор

© 2014 г.

С.Г. ПЛАКСИН. Боги и мифологические герои на монетах Римской республики. Словарь. Библиотека античной истории и нумизматики. Москва, 2012. 808 с., илл.*

Как сказано издателем в предисловии, основной целью словаря является помощь коллекционерам античных монет (с. 3). В его основу положен каталог тех монетных типов Римской республики, на которых изображены боги и мифологические герои. Однако исторический, мифологический и религиозный комментарии оказались столь обширными, что работа вышла за обозначенные узкие рамки. Автор словаря, Сергей Георгиевич Плаксин, не является профессиональным историком, но уже десять лет увлекается коллекционированием античных монет. В 2007 г. он был принят в члены Московского Нумизматического общества, имеет семь публикаций по этой тематике. Его глубокое увлечение нумизматикой дало результат, который, на мой взгляд, заслуживает внимания и профессионалов. Рецензируемое издание интересно уже тем, что позволяет быстро получить достаточно широкую информацию по религии Рима эпохи Республики из нарративных и археологических данных в совокупности с нумизматическими материалами. Такое сочетание разных типов источников в рамках одной темы (словарной статьи) является хорошим образцом комплексного применения источников.

Во введении к словарю даны очерки религии Рима и истории монетного дела в Римской республике. Сам словарь состоит из 123 статей в алфавитном порядке имен божеств, включая их ипостаси, и мифологических персонажей, к которым причислены первые римские цари и географические персонализации (например, Александрия, Сирия и т.п.). Представлены как собственно римские, так и другие (главным образом греческие) божества и герои, встречающиеся на римских монетах эпохи Республики. Автор излагает основные мифы, связанные с данным божеством или мифологическим персонажем, а также историю культа, храмов и праздников. В каждой словарной статье дается иллюстрированная таблица монетных типов с их описанием и нумизматическим комментарием, который включает краткий исторический анализ обстоятельств чеканки и пояснения примерно к 400 мифологическим сюжетам, представленным на монетах эпохи Республики. К словарю приложена обширная библиография на русском и иностранных языках, посвященная истории религии Рима и монетного дела. Кроме того, имеется четыре весьма полезных приложения. Первое (конкорданс), очень обширное, представляет собой таблицу согласования нумерации четырех основных каталогов по республиканской чеканке (Sydenham, Crawford, Roman Silver Coins, Sear). Во втором приведен список римских монетариев по годам, где, кроме того, указаны иные их значимые должности (*cursus honorum*), сокращенные обозначения их имен на монетах и нумерация в трех изданиях (Sydenham,

* Работа выполнена в рамках программы МОН РФ, проект «Полис и надполисные структуры: формы и эволюция взаимоотношений в греко-римском мире».